

Гоудань и Ван Сюань, в строгих костюмах, тщательно отутюженных и сидевших как влитые, выглядели безупречно. Они собирались на банкет по случаю помолвки.

— Не думал, что этот тип по фамилии Чжу пришлет нам приглашение, — заметил Ли Кай, поправляя галстук. — Но если честно, зачем вообще устраивать помолвку? Разве нельзя сразу сыграть свадьбу?

— От Чжан Цзюньминя я слышал, что невеста Чжу Яньфэна без ума от западной культуры, — отозвался Ван Сюань. — Раньше она костью ложилась, так хотела уехать учиться за границу. Но умом, видать, не блещет — с трудом закончила заурядный колледж, на бюджетное обучение за рубежом не прошла. Семья наотрез отказалась оплачивать ей поездку. С Чжу Яньфэном она сошлась, скорее всего, потому, что у него есть связи с Гонконгом — там ведь полно иностранцев. Съездила с ним пару раз и решила выйти за него замуж.

Ли Кай тихо рассмеялся:

— Редко от тебя услышишь подобные колкости. Неужели так сильно его ненавидишь?

— А за что его любить? Он сколько раз тебе палки в колеса вставлял! Ты столько сил вложил в дело, с какой стати должен отдавать ему плоды своих трудов? Пользуется влиянием семьи: как увидит, что чужой бизнес процветает, сразу лезет со своими «инвестициями» и долей. Это же чистой воды грабеж! Будь моя воля, мы бы вообще не пошли на эту паршивую помолвку. Пусть катится к чертям.

Ван Сюань и впрямь до глубины души презирал семейку Чжу. Подобным бесстыдным рейдерством во всем Старом Пекине отваживался заниматься разве что Чжу Яньфэн.

— Ладно тебе, — хмыкнул Ли Кай. — Поверь, в будущем ему это еще аукнется. Жадных людей полно, но он ведет себя совсем уж беззастенчиво.

Ван Сюань понимал: пока враг в силе, приходится терпеть. Но он также знал, что Гоудань никогда не позволит вытирать об себя ноги. Чжу Яньфэн, верно, считает Ли Кая обычным везунчиком без связей, который послушно принесет все на блюде. Посмотрим, как он обожжется на этом лакомом кусочке — так, что язык отвалится.

— Ну всё, сегодня мы идем на праздник, так что выше нос, — улыбнулся Ли Кай. — В конце концов, мы там будем просто есть и пить, и плевать, на ком он женится. Раз уж нас пригласили, стоит радоваться, а не ворчать.

— Хм, я слышал, куча дельцов наизнанку выворачиваются, лишь бы раздобыть пригласительный и хоть краем глаза показаться там. За эти бумажки бешеные деньги предлагают.

Ван Сюань лишь презрительно усмехнулся. Если бы не необходимость сохранять приличия, он бы сам с радостью загнал их пригласительные по спекулятивной цене.

К девяносто первому году столица заметно преобразилась. На улицах замелькали частные автомобили. Если раньше безраздельными хозяевами дорог были велосипедисты, то теперь их безжалостно оттеснили на обочину. Куда двухколесному транспорту, приводимому в движение силой ног, тягаться с ревущими четырехколесными машинами на бензине? Чтобы не попасть под колеса и не ободрать бока, владельцам велосипедов приходилось безропотно уступать дорогу.

Однообразные синие, серые и черные одежды горожан ушли в прошлое — фасоны стали ярче и разнообразнее. Самым же наглядным признаком перемен стал стремительный рост цен на жилье и коммерческую недвижимость.

Многие семьи теперь предпочитали вытряхнуть все заначки и купить собственную квартиру, не дожидаясь, пока государство выделит ведомственное жилье. Ли Кай интуитивно чувствовал, что в будущем недвижимость взлетит в цене еще сильнее. Пока у него не было ресурсов, чтобы ввязаться в столь крупную игру, но он мог урвать свой кусок пирога иначе. Уровень жизни рос, а вместе с ним росли и потребности людей во всех сферах жизни — зарабатывать можно было далеко не только на квадратных метрах.

Успех в бизнесе зависит как от удачи, так и от дальновидности, и Гоудань верил, что найдет свою нишу.

За рулем сидел Ван Сюань. Он принципиально не доверял вождение Ли Каю — тот вел машину слишком агрессивно и небрежно. В последнее время у Ли Кая появился личный водитель, так что в поездках он привык работать, размышлять или просто отдыхать на заднем сиденье. Раз уж Ван Сюань вызвался вести машину сам, Ли Кай не спорил — его спутник всегда был ярким поборником правил дорожного движения.

— К слову, сейчас все стараются играть свадьбы на День образования КНР или под Новый год, а семейство Чжу устроило помолвку в лучшем отеле города, — заметил Ли Кай. — Как по мне, расписались бы сразу и дело с концом. Хотя зная этого проныру Чжу Яньфэна, он ведь не постесняется дважды собрать конверты с деньгами. Спорим?

— Спорить не буду, верю, — усмехнулся Ван Сюань. — Но еще охотнее я верю, что ни его родственники, ни семья невесты, ни просто здравомыслящие люди не позволят ему так откровенно позориться.

— Мы с тобой тоже не в роскоши выросли, но такой патологической жадности я еще не видел. Использовать авторитет отцов и дедов, чтобы повсюду выбивать себе выгоду... В те суровые годы сколько достойных семей в Старом Пекине лишились всего, чьи дети пострадали не меньше. Но они же ведут себя прилично.

Обменявшись колкостями в адрес виновника торжества, они перешли на другие темы.

Ван Сюань все чаще нажимал на тормоз. Ли Кай удивленно спросил:

— Что там такое?

— Пробка.

— Похоже, гостей на эту помолвку претя немерено, всю дорогу забили. И ведь подумать только: еще недавно личный автомобиль казался диковинкой, а теперь на узких улицах не протолкнуться.

Машина двигалась рывками. Благо октябрь в Столице выдался прохладным — окажись они в такой ловушке знойным летом, раздражения было бы не избежать.

— Наверняка скоро пришлют регулировщиков, — успокоил друга Ван Сюань. — Подождем.

Припарковав машину под указку швейцара, они вышли наружу и нос к носу столкнулись с Янь Дунсюем и его компанией. К дверям отеля они направились уже вместе.

— Я думал, вы приедете пораньше, — заметил Ли Кай. — Слышал, родители просили вас помочь с организацией?

— Да брось ты, — махнул рукой Янь Дунсюй. — У Чжу Яньфэна и без нас помощников пруд пруди. К тому же это не свадьба, так что ни свидетели, ни посыльные не нужны. Отель предоставляет полное обслуживание.

— И зачем ему эта помолвка? — подал голос один из парней. — Возраст-то уже поджигает. Старик Чжу, помнится, спит и видит, как бы понянчить правнуков.

— Ой, да у него свои тараканы в голове! Обязательно нужно было скопировать западный манер. Заказал даже многоярусный торт. Смех да и только!

У входа дежурили официанты, проверявшие пригласительные билеты и провожавшие гостей к местам. Когда компания предъявила свои пропуска, выяснилось, что Ли Кай и Ван Сюань сидят отдельно от Янь Дунсюя и остальных. Ладно бы их просто рассадили из-за нехватки мест за одним столом, но ребят определили за самый дальний столик у самого края зала.

— Это еще что за фокусы? — мгновенно вспыхнул Янь Дунсюй. — Мы же в одной компании общаемся! Пригласил людей, а сам задвинул их в самый угол, словно бедных родственников. Что за свинское отношение? Ли Кай, идите с нами. Попросим принести дополнительные стулья, как-нибудь потеснимся.

Ли Кай поспешно удержал его за руку:

— Не стоит, брат Янь. Раз посадили туда, значит, так надо. Сегодня праздничный день, не нужно устраивать сцен из-за ерунды. Да и какая разница, где сидеть? Главное — вкусно поесть, остальное неважно. Народу сегодня уйма, такие скромные гости, как мы, никак не могли претендовать на места в центре.

Янь Дунсуй некоторое время пристально смотрел на него, после чего неохотно кивнул:

— Ладно. Чуть позже подойду к вам выпить.

— Договорились, — улыбнулся Ли Кай и последовал за официантом.

На самом деле разница между столами была колоссальной. Банкетный зал отеля славился своей вместимостью, но в этот раз гостей прибыло столько, что жадный до подношений Чжу Яньфэн побил все рекорды. Даже самый просторный зал, предназначенный для пышных свадеб, не смог вместить всех желающих.

Поэтому виновник торжества задействовал два помещения. В главном зале разместили элиту Старого Пекина и прочих высокопоставленных гостей, чьим расположением дорожила семья Чжу. Второй же, малый зал, отвели для мелких лавочников, дельцов и прихлебателей, которые изо всех сил пытались выслужиться перед влиятельным кланом, но не вышли рангом.

Это помещение отделялось от главного зала глухой стеной. Если закрыть тяжелые двери, доносившийся оттуда шум полностью затихал. Обычно приличные люди так не поступали, но Чжу Яньфэна подобные условности не волновали.

Когда Ли Кай и Ван Сюань подошли к своему столику, малый зал был уже наполовину полон. Многие коммерсанты привели с собой взрослых сыновей и дочерей в надежде представить их влиятельным господам. Бедняги еще не осознавали, что глухая стена надежно отсекла их от высшего общества.

Через распахнутые двери доносился раздражающий писк настраиваемых микрофонов.

— Какое откровенное издевательство, — негромко проговорил Ван Сюань.

Они с улыбкой наблюдали за щедро намаженными бриолином торговцами, которые усердно знакомили своих отпрысков друг с другом. Эти люди даже не подозревали, что банкет может закончиться без единого появления виновников торжества, а их выстрадаанные пригласительные билеты давали право лишь на обычный обед в отеле, гордо именовавшийся «помолвкой семьи Чжу».

Поскольку Ли Кай и Ван Сюань были молоды и привлекательны, к ним то и дело подходили знакомиться и вручать визитки. Малый зал быстро превратился в площадку для делового нетворкинга.

Впрочем, это было логично. Пусть высокопоставленных чиновников здесь не наблюдалось, зато собрались люди с определенным капиталом и амбициями. Почему бы не завязать полезные знакомства? Глупцов тут не держали: если не удавалось подобраться к власти, стоило укрепить связи с равными по статусу.

Некоторые предприимчивые родители уже присматривали выгодные партии для своих детей. Неудивительно, что появление статных, отлично одетых молодых людей сразу привлекло внимание почтенных семейств. Раз уж парни смогли достать пригласительные на такое мероприятие, значит, за ними стояли либо солидные деньги, либо весомые связи.

Изначально за огромным круглым столом сидели только они двое. Затем к ним подсели трое мужчин, пришедших в одиночку, а чуть позже официант привел семью из четырех человек. Стол оказался полностью заполнен. Зал стремительно наполнялся людьми.

В помещении стало тесно и шумно. Гости, подгоняемые жадой деловых контактов, вели себя шумно и навязчиво: обменивались рукопожатиями, громко переговаривались, окликали старых знакомых. Шум голосов нарастал, заполняя каждый уголок зала.

Ли Кай и Ван Сюань переглянулись. Что ж, это ничем не отличалось от деревенского пира под открытым небом, разве что публика была одета с иголочки, да интерьеры выглядели куда роскошнее.

Ван Сюань откупорил бутылку с газировкой, перевернул два стоявших кверху дном стакана и, наполнив их, один пододвинул Ли Каю, а второй взял сам. Несмотря на гул голосов, к закускам никто не прикасался — все чинно ждали подачи горячего, боясь показаться невоспитанными дикарями. Помолвка семьи Чжу все-таки, статус обязывает держать лицо! Набросишься на еду раньше времени — мигом прослывешь деревенщиной.

Однако Ван Сюаню было глубоко наплевать, что о нем подумает семейство Чжу. Захотелось пить — налил и выпил, чего усложнять?

Соседи по столу искоса поглядывали на то, как парни невозмутимо утоляют жажду. Кое-кто даже мысленно сокрушался: «И какой только дурак отдал ценные пригласительные этим юнцам? Сразу видно, ума у них нет. Сюда ведь приходят связи налаживать, а они просто сидят и воду глушат!»

Заметив на себе робкий девичий взгляд, Ван Сюань пододвинул бутылку сидевшей напротив девушке:

— Угощайтесь. Мы ведь сюда за этим и пришли — поесть да попить.

Девушка мгновенно вспыхнула и смущенно опустила глаза. Зато сидевший рядом с ней мальчик-подросток, воодушевленный примером, смело налил себе полный стакан газировки и жадно заплескал им горло.

На столе стояли кока-кола, лимонад и алкоголь. Больше пока ничего не подали.

Пока молодежь налаживала контакт, взрослые принялись расспрашивать ребят. Ли Кай уклончиво ответил, что они занимаются мелкой торговлей. Разговорившись, соседи выяснили, что некоторые приехали из провинции и всеми правдами и неправдами добывали пригласительные, чтобы закрепиться в столице.

Та самая семья из четырех человек оказалась местной. Торговлей они не промышляли — работали на государственном предприятии, а глава семейства занимал там какую-то мелкую руководящую должность.

Мужчина важно изрек:

— Нас пригласили, поскольку мы состоим в родстве с семейством Чжу. Моя супруга приходится им двоюродной племянницей. Так что мы здесь по семейной линии, нам с вами, уважаемыми коммерсантами, не равняться.

В его словах сквозила напыщенная гордость, едва прикрытая маской ложной скромности.

Ли Кай бросил на него оценивающий взгляд. «Ишь как заговорил, индюк надутый. Дальняя родня, мелкий чинуша, а гонору-то сколько!» Стоило таким людям получить крошечный пост, как они тут же начинали изъясняться казенным, назидательным тоном.

Впрочем, на остальных гостей статус «родственников хозяев» произвел должное впечатление. К мужчине сразу потянулись с расспросами. Родственник — он и есть родственник, вдруг через него удастся подобраться ближе к верхам?

— Позвольте представиться, занимаюсь углем, — один из коммерсантов протянул чиновнику визитку.

У Ли Кая блеснули глаза. Угольные магнаты в те годы ворочали баснословными суммами. Впрочем, этот делец, скорее всего, владел лишь парой небольших шахт, иначе его не сослали бы в этот малый зал.

Слова угольщика подтвердили догадку:

— Правда, в последнее время гайки стали закручивать. Требуют официальные лицензии на добычу, мелкие выработки закрывают без разбора. Нам еле удалось удержаться на плаву, получить разрешение сейчас — задача почти невыполнимая.

Чиновник, прекрасно знавший о баснословных доходах угольщиков, мигом сменил тон и увлекся беседой. Разговор пошел бойко, остальные лишь изредка вставляли реплики.

Вскоре тема плавно свернула на детей.

— Сразу видно, ваши дети получили прекрасное воспитание, — льстиво заметил угольщик. — Не то что мой оболтус: к учебе никакого интереса. Хотел взяться за него по-мужски, так жена с тещей костями ложатся, ни пороть не дают, ни ругать. Эх, сами мы в детстве настрадались, вот теперь и балуем кровиночек, жалеем. Искренне восхищаюсь вами, господин Ван, как вам удается держать их в узде?

— Ну что вы, мы тоже на них руку не поднимаем, — заулыбался тот. — Просто повезло, дети сами по себе послушные выросли. Дочка в этом году отлично сдала экзамены. Мы с матерью решили, что девочке незачем надрываться на тяжелой работе, профессия учителя — самое то. Вот и подали документы в столичный педагогический.

— Золотые слова! — поддакнул собеседник. — Учитель — благородный труд, почет и уважение. А сын у вас какой статный растет, далеко пойдет. Счастье вам с супругой, господин Ван, за таких детей только радоваться.

— Да молод еще, — скромничал тот, хотя лицо его сияло от гордости. — Но парень исполнительный, материнское слово для него закон, да и в школе не отстают.

За столом царило благодушное веселье, остальные гости угодливо поддакивали. Ли Каю и Ван Сюаню этот фарс казался невыносимо скучным. К тому же горячее задерживали, а от выпитой газировки уже тянуло в уборную.

Только Ли Кай успел мысленно выругаться, как сидевшая рядом с чиновником женщина средних лет поднялась со стула:

— Юйчэн, присмотри за сумкой. Я отведу Сяохань припудрить носик.

Раздался глухой стук — стакан выскользнул из пальцев Ван Сюаня. К счастью, он приземлился на донышко и не разбился.

— Ты чего? — тихо спросил Ли Кай.

— Ничего... Рука соскользнула, — сквозь зубы процедил Ван Сюань.

Он слегка прищурился и принялся пристально, не мигая, разглядывать мужчину по имени Ван Юйчэн. С каждой секундой выражение его лица становилось все более мрачным.

До Ли Кая мгновенно дошел смысл происходящего. Под столом он крепко сжал руку Ван Сюаня, успокаивая его, а сам ледяным взглядом впился во встрепенувшегося чиновника.

Он прекрасно помнил, как звали биологического отца друга. Ван Юйчэн, уроженец столицы.

Приглядевшись к мужчине, Ли Кай подметил, что, несмотря на лишний вес и обрюзгшие щеки, тот выглядел ухоженным. Очевидно, после возвращения в Пекин он не знал нужды и лишений. Черты лица выдавали в нем некогда привлекательного юношу — разрез глаз и линия подбородка имели явное сходство с обликом Ван Сюаня.

Если бы не разительный контраст в манерах — перед ними сидел заурядный, лоснящийся от самодовольства обыватель, тогда как Ван Сюань отличался благородной статью и умом, — любой прохожий без труда угадал бы в них отца и сына.

— Господин Ван, простите за любопытство, ваше имя — Ван Юйчэн? — негромко спросил Ли Кай.

Мужчина удивленно моргнул:

— Да, верно. Мы знакомы, молодой человек?

— Лично — нет. Но когда я услышал ваше имя, мне показалось, что речь идет об одном моем старом знакомом. Тот человек тоже был из столичных чжицин — образованной молодежи, его отправили на работы в провинцию... Скажите, господин Ван, вам не доводилось бывать в поселке Сяньгоу?

Ли Кай чеканил каждое слово, внимательно следя за мимикой собеседника. Лицо Ван Юйчэна на мгновение напряглось, но он тут же взял себя в руки.

— Надо же, какое совпадение, — натянуто рассмеялся чиновник. — Нет, мне не доводилось бывать в Сяньгоу. Я не уезжал в деревню. Будучи единственным сыном в семье, я сразу получил распределение на завод и с тех пор работаю в городе.

— Вот как? — приподнял бровь Ли Кай.

Мужчина заговорил раздраженно:

— Разумеется. К чему мне лгать?

Ван Сюань больше не смотрел на отца. Он с вежливой, безучастной улыбкой наливал себе воду, предоставив Ли Каю вести этот разговор.

— И то верно, тезок на свете хватает, — хмыкнул Ли Кай. — Просто тот столичный хлыщ, что приехал в нашу деревню, удивительно походил на вас: и имя то же, и родом из Пекина. Вот только душонка у него оказалась гнилая, не чета вашей. Сам ленивый, палец о палец не

ударил, чтобы прокормиться. Обыкновенный изнеженный слабак. Зато горазд был вешать лапшу на уши наивным деревенским девчонкам. Соблазнил одну, обрюхатил, женился. А бедняжка потом с утра до ночи на полях горбатилась, зарабатывала рабочие баллы, чтобы прокормить этого здорового лоботряса.

Ли Кай сделал паузу, обводя притихших гостей тяжелым взглядом:

— Но и этого ему показалось мало. Уехал на Новый год в Столицу якобы провести родню и там по-тихому охмурил дурнушку из семьи повыше рангом, чтобы тесть помог ему вернуться в столицу. Мало того что бросил жену с ребенком, так еще и выгреб из дома последние копейки. Несчастная женщина не выдержала позора и предательства — накинута веревку на шею да и повесилась на старой кривой иве. Сиротой остался четырехлетний мальчишка, совсем один.

Ли Кай сокрушенно покачал головой:

— Жалко парнишку до слез. В те голодные годы кто бы стал кормить чужого ребенка? Судьба его была незавидна... Скажите, разве такой подлец не заслуживает самого сурового наказания? Ведь он, по сути, человека в петлю загнал.

За столом воцарилась мертвая тишина. Гости украдкой поглядывали на Ван Юйчэна, чье лицо сделалось бурым, как свекла.

— Надо же... какие страсти бывают, — выдавил он пересохшими губами. — Но я... я этого человека не знаю.

Особенно всех зацепила недосказанность в судьбе сироты — Ли Кай нарочно утаил финал истории. Угольщик, только что заискивавший перед «родственником хозяев», теперь с преувеличенным интересом изучал содержимое своего стакана, словно там был налит эликсир бессмертия. Что бы они ни думали на самом деле, продолжать любезничать с Ван Юйчэном сейчас никто не решился, чтобы не усугублять неловкость.

Вскоре вернулась супруга Ван Юйчэна вместе с дочерью. Почувствовав витающее в воздухе напряжение, она потянула мужа за рукав:

— Что случилось? Почему все молчат?

— Ничего, дорогая... Все в порядке, — поспешно ответил тот.

Его сердце бешено колотилось, мысли путались. Когда он понял, что молодой человек не собирается развивать тему дальше, в его груди наконец разлилось облегчение.

— Да вот, разговорились с господином Ваном о красотах наших родных мест, — с улыбкой вмешался Ли Кай. — Края у нас замечательные. А люди там какие душевные, чистые...

Скажите, господин Ван, разве я не прав?

Сердце Ван Юйчэна ушло в пятки.

— Возможно... Откуда мне знать, — промямлил он, отводя глаза.

Видя его жалкий вид, Ли Кай решил поставить точку. Раз уж Ван Сюань ранее заявлял, что этот человек для него пустое место, не стоило ворошить прошлое и портить себе вечер. Родство с подобным типом вызывало у обоих лишь брезгливость.

Судя по всему, устроился предатель неплохо — округлился, раздобыл. Старожилы в деревне говаривали, что маленький Сяо Сюань лицом пошел в отца, но парень вырос куда красивее своего родителя. Тот был бледным, худосочным очкариком с претензией на интеллигентность — словом, ненадежный флюгер.

Видно, в молодости Ван Юйчэн действительно обладал смазливой внешностью, иначе не приглянулся бы дочке какого-то мелкого пекинского бунтаря времен Культурной революции. Ради столичной прописки этот приспособленец готов был терпеть что угодно. Его нынешняя супруга даже на склоне лет оставалась непривлекательной женщиной, а уж в юности, надо полагать, и вовсе была дурнушкой.

Внешность детей лишь подтверждала догадку. Старшая дочь уродилась миловидной, унаследовав отцовские черты, а вот младший сын рос заплывшим жиром увальнем с плоским лицом и крошечными, заплывшими глазками-щелками — вылитая мать. Пока взрослые беседовали, этот мальчишка так и зыркал по сторонам, прислушиваясь к каждому слову. По его бегавшему взгляду было ясно: пакостный растет ребенок, хитрый и злопамятный. Ли Кай не стал устраивать скандал при его матери именно потому, что понимал — малейший намек, и этот соплик тут же донесет все родительнице.

Наконец подали горячие блюда. В то время как за другими столами гремели тосты и звенели бокалы, за их столом повисло тяжелое молчание. Ли Кай заботливо подкладывал Ван Сюаню лучшие кусочки. Напротив всю суетилась госпожа Ван — едва на столе появлялось новое блюдо, она тут же перекладывала его к себе в тарелку или набивала им рот своего сына, так что у того перед носом выросла целая гора еды. Ли Кай терпеть не мог таких бесцеремонных хабалок.

Ван Юйчэн жевал без малейшего аппетита. На службе он славился изворотливостью и умением заговаривать зубы, но неожиданный привет из прошлого выбил его из колеи. И хотя сейчас он изо всех сил старался казаться невозмутимым, еда казалась ему безвкусной, словно бумага.

Ли Кай больше не обращал на него внимания. Своей историей он ясно дал понять: брошенная жена давно мертва, а судьба ребенка канула в лету. Этот трусливый слизняк ни за что не осмелится навести справки о тех, кого когда-то предал.

Ребята спокойно пообедали, демонстративно игнорируя соседей.

Когда они закончили с трапезой, виновники торжества так и не соизволили заглянуть в малый зал. Жать у моря погоды Ли Кай не собирался. Сытые и довольные, они поднялись из-за стола и направились к выходу.

Большинство гостей все еще оставались на местах, увлеченно перемывая кости знакомым. В коридорах отеля царила тишина. Проходя мимо запертых дверей главного зала, они слышали доносившуюся оттуда помпезную музыку — шоу продолжалось. Праздник, совмещавший китайское застолье с европейским разрезанием торта, казался нелепым винегретом. «Старики из прежней гвардии, небось, плевались от такой безвкусицы, — подумал Ли Кай. — Чжу Яньфэну скоро тридцать, а ума так и не нашёл, творит что вздумается».

Сев в машину, Ли Кай спросил:

— И каково это — увидеть его с новой семьей? Совсем ничего не дрогнуло внутри?

— Кое-что дрогнуло, — Ван Сюань откинулся на спинку сиденья и горько усмехнулся. — Мои воспоминания о нем слишком смутны, в основном я судил по чужим рассказам. Говорили, он был красив, образован... И хотя я никогда ничего от него не ждал, в моем воображении все же рисовался образ благородного интеллигента. Сегодня же этот карточный домик рухнул. Перед нами обычный, ничем не примечательный обыватель. Деревенские восхищались им лишь потому, что на нем лежал столичный лоск.

Ван Сюань покачал головой:

— А теперь посмотри на него реального: мелкий приспособленец, который ради карьеры женился на нелюбимой женщине. Сомневаюсь, что между ними когда-то были чувства. Вот мы сидели за одним столом — родные отец и сын, но даже не узнали друг друга. Если бы не имя, я бы прошел мимо и бровью не повел. Обычные чужаки.

— Ну и славно, — облегченно выдохнул Ли Кай. — Если честно, он мне сразу не понравился. Мерзкий тип.

— Мне тоже. У тебя чутье на людей, раз тебе он не по душе — значит, действительно шваль.

— Кто поведет? Ты или я?

— Я поведу. Подумать только, кроме легкого отвращения к этому человеку я ничего не почувствовал. Когда в детстве меня помыкали дядя Чэнь А-да и тетка Ван Хэймэй, я глупый был, засыпал с мыслью: «Вот приедет папа и заберет меня...» Сейчас вспоминаю это и самому смешно.

— Не кори себя. Для ребенка хотеть к родителям — самое естественное дело.

Они больше не возвращались к этой теме. Ван Сюань действительно не держал зла — учеба в аспирантуре отнимала все время и силы, чтобы тратить их на призраков прошлого.

Позже Ли Кай все же навел справки о Ван Юйчэне через свои каналы. Не ради воссоединения семьи, разумеется, а из осторожности. Вдруг у этого пройдохи проснется совесть или он решит разузнать о судьбе сына? Многие возвращавшиеся из ссылки представители образованной молодёжи прекрасно знали, что маленький Ван Сюань остался жив. Если этот человек вдруг решит явиться на порог, нужно быть во всеоружии. Вероятность была ничтожно мала, но от эгоистов можно ожидать чего угодно — у них своя, извращенная логика.

Предупрежден — значит вооружен. Имея полную картину перед глазами, Ли Кай мог быть спокоен за их будущее.

<http://bllate.org/book/19654/1996847>